

в миссии солунских братьев сущность славяно-византийских отношений, а отнюдь не один из этапов сложной политики: не миссия, по мнению Дворника, служила орудием политики, а политика — средством миссии, средством „воплощения в славянах византийского гения“. Дворник решительно отрицал, что деятельность миссии была обусловлена политическими соображениями, и исключал политическое значение посольства моравского князя Ростислава в Византию в 862 г. Значение этого посольства он сводил к гораздо более скромным целям — пригласить проповедников, владеющих славянским языком. Фр. Дворник рассуждал так. Нельзя допустить, чтобы Ростислав имел в виду заключить политический союз с Византией: он не мог не понимать, что расстояние между Византией и Моравией слишком велико и отношения могут быть только непрямые. Кроме того, в данный момент не было условий, которые диктовали бы такой союз: старый антагонизм между франками и Византией смягчился, а с болгарями моравы были в хороших отношениях. Правда, в 863 г. Людовик Немецкий заключил союз с Борисом против Ростислава, но это, несомненно, было уже после посольства. Итак, политический союз не входил в планы Ростислава. Не мог он мечтать и о правильной церковной организации с епископом во главе, так как христианство в Моравии было распространено очень слабо. Было бы чистым безумием при наличных условиях пытаться связать Моравию с византийским патриархом. Такая попытка вызвала бы энергичный протест Рима, а немцам доставила бы прекрасный случай вмешаться, как защитникам папы, в славянские дела. Событие представляется более простым. Ростислав опасался немецких проповедников, которые были столько же служителями евангелия, сколько эмиссарами немецкой монархии. Немецкие епископы и аббаты очень часто меняли свой крест и посох на панцырь и меч, направленный против славян. Ростиславу нужны были проповедники, знающие славянский язык, — ему было безразлично, где их искать, и поэтому, не найдя их в Риме, он обратился к Византии. Если это обращение имело неисчислимые исторические последствия, то Ростислав их предвидеть не мог. Такова цепь рассуждений Дворника.

Мы не можем согласиться с доводами Дворника. Пусть расстояние, разделявшее эти страны, исключало возможность переброски армии в пределы союзника, но этого и не требовалось. Союз мог быть направлен прежде всего против Болгарии, как опасного для обоих государств и ненадежного соседа, и в этом случае возможность совместных, т. е. одновременных, действий вполне допустима. Если антагонизм франков и греков и смягчился, то не исчез: противоречия интересов в Италии и в северо-западном углу Балканского полуострова сохраняли свою силу. Споры из-за императорского титула по временам ослаблялись, но не исчезали. Василий Македонянин вычеркнул в актах собора 869 г. императорский титул перед именем Людовика II; затем между двумя императорами возникла, по инициативе Константинополя, неприятная (для нас очень интересная) переписка,⁹ хотя политические интересы (общая арабская опасность) диктовали необходимость союза двух империй и вызывали дипломатические переговоры, а по другим мотивам возникали и проекты брачных союзов (между сыном Василия Македонянина и дочерью Людовика II).

Называть отношения моравов и болгар в 862 г. хорошими представляется странным, если в следующем же 863 году Борис заключил

⁹ Ответное письмо Людовика II сохранилось. — *Baronii Annales, ecclesiastici, Coloniae Aggripinae. 1603, vol. X, ad annum 871 (p. 557 sqq.)*.